

SHERWOOD ANDERSON
THE EGG
(excerpt)

My father was, I am sure, intended by nature to be a cheerful, kindly man. Until he was thirty-four years old he worked as a farm-hand for a man named Thomas Butterworth whose place lay near the town of Bidwell, Ohio. He had then a horse of his own and on Saturday evenings drove into town to spend a few hours in social intercourse with other farm-hands. In town he drank several glasses of beer and stood about in Ben Head's saloon – crowded on Saturday evenings with visiting farm-hands. Songs were sung and glasses thumped on the bar. At ten o'clock father drove home along a lonely country road, made his horse comfortable for the night and himself went to bed, quite happy in his position in life. He had at that time no notion of trying to rise in the world.

It was in the spring of his thirty-fifth year that father married my mother, then a country school-teacher, and in the following spring I came wriggling and crying into the world, something happened to the two people. They became ambitious. The American passion for getting up in the world took possession of them.

It may have been that mother was responsible. Being a school-teacher she had no doubt read books and magazines. She had, I presume, read of how Garfield, Lincoln and other Ameri-

ШЕРВУД АНДЕРСОН
ЯЙЦО
(отрывок)

Перевод Ю.Гальперн

Я уверен, что у моего отца от природы были задатки жизнерадостного и добродушного человека. До тридцати четырех лет он был батраком на ферме Томаса Баттеруорса, расположенной недалеко от города Бидуэла, штат Огайо. У отца тогда была своя лошадь, и по субботам он под вечер ездил в город, чтобы провести время в обществе батраков с других ферм. В городе он выпивал несколько кружек пива в баре Бена Хеда и потом толкался еще часок, в этом заведении, где в субботние вечера было полно таких же батраков. Гости распевали песни и со стуком опускали кружки. В десять часов отец отправлялся домой по пустынной проселочной дороге, а приехав, прежде всего заботился о лошади и затем ложился спать, вполне довольный своей жизнью. В те времена у него и мысли не было о том, чтобы занять более видное положение в этом мире.

Но вот весной, на тридцать пятом году жизни, он женился на моей матери, сельской учительнице, а следующей весной с криком и плачем появился на свет я. И тут их словно какая-то муха укусила. Они вдруг стали честолюбивы. Ими овладела американская жажда успеха.

Возможно, что в этом была повинна мать. Как учительница, она, несомненно, читала книги и журналы и, надо полагать,

ШЕРВУД АНДЕРСОН
ЯЙЦО
(отрывок)

Перевод Н. Бать

Уверен, что от природы отцу моему полагалось быть человеком веселым и добродушным. До тридцати четырех лет она работала на ферме Томаса Баттеруорта, неподалеку от города Бидуэлла, штат Огайо. У отца была своя лошадь, и по субботам он ездил в город поразвлечься в компании таких же батраков. Выпьет, бывало, несколько кружек пива в салуне Бена Хеда, куда в субботний вечер набивалась уйма работников с окрестных ферм, и потолчется там часок-другой. Батраки горланили песни, стучали порожными кружками о стойку. В десять часов отец уже отправлялся восвояси по пустынному проселку, а приехав домой, ставил лошадь в конюшню и укладывался спать, вполне довольный своим житьем-бытьем. В ту пору ему и в голову не приходило мечтать о более видном положении в обществе.

Но на тридцать пятом году жизни, весной, отец женился на моей матери, деревенской учительнице, а следующей весной, крича и содрогаясь, на свет появился я. И тут с моими родителями что-то случилось. Они стали честолюбивы. Их обуяла американская страсть к преуспеваю.

Пожалуй, повинна в том была моя мать. Школьная учительница, она, конечно же, читала книги и журналы. И, надо полагать, начиталась про то, как Гарфилд, Линкольн, а также многие другие американцы сумели подняться из низов

cans rose from poverty to fame and greatness and as I lay beside her – in the days of her lying-in – she may have dreamed that that I would some day rule men and cities. At any rate she induced father to give up his place as a farm-hand, sell his horse and embark on an independent enterprise of his own. She was a tall silent woman with a long nose and troubled grey eyes. For herself she wanted nothing. For father and myself she was incurably ambitious.

The first venture into which the two people went turned out badly. They rented ten acres of poor stony land in Grigg's Road, eight miles from Bidwell, and launched into chicken raising. I grew into boyhood on the place and got my first impressions of life there. From the beginning they were impressions of disaster and if, in my turn, I am a gloomy man inclined to see the darker side of life, I attribute it to the fact that what should have been for me the happy joyous days of childhood were spent on a chicken farm.

One unversed in such matters can have no notion of the many and tragic things that can happen to a chicken. It is born out of an egg, lives for a few weeks as a tiny fluffy thing such as you will see pictured on Easter cards, then becomes hideously naked, eats quantities of corn and meal bought by the sweat of your father's brow, gets diseases called pip, cholera, and other names, stands looking with stupid eyes at the sun, becomes sick and dies. A few hens and now and

знала о том, как Гарфилд, Линкольн и другие американцы, вышедшие из бедности, достигли славы и величия. В те дни, когда после моего появления на свет я лежал возле нее, она, быть может, мечтала о том, что настанет время, и я буду управлять людьми и городами. Как бы там ни было, но она уговорила отца бросить работу на ферме, продать лошадь и завести собственное дело. Мать была молчаливой женщиной, высокого роста, с длинным носом и беспокойными серыми глазами. Для себя ей ничего не было нужно. Но когда речь шла об отце или обо мне, она была бесконечно честолюбива.

Первое предприятие, которое рискнули затеять мои родители, обернулось плохо. В восьми милях от Бидуэла они арендовали десять акров скверной каменистой земли и занялись куроводством. На этой земле я рос и получал свои первые впечатления от жизни. С самого начала впечатления эти были зловещими, и если я сам человек угрюмый, склонный видеть только мрачные стороны жизни, я приписываю это тому, что дни, которые должны были быть счастливыми, радостными днями моего детства, проведены на этой ферме.

Человек, не сведущий в подобных делах, понятия не имеет о том, сколько трагических происшествий подстерегает цыпленка. Он вылупляется из яйца, несколько недель живет в виде крошечного пушистого создания, какое изображают на пасхальных открытках, затем становится отвратительно облезлым, поедает неимоверное количество маиса и муки, в поте

на вершину славы и величия. Лежа после родов в постели вместе со мной, моя мать, должно быть, мечтала, как я буду править людьми и городами. Как бы там ни было, но именно она побудила отца уйти с фермы, продать лошадь и вступить на путь независимого предпринимательства. Моя мать была женщина высокая, молчаливая, с длинным носом и тревожными серыми глазами. Для себя ей ничего не было нужно. Но во всем, что касалось моего отца и меня, она проявляла неистребимое честолюбие.

Первое дело, на которое отважились супруги, закончилось неудачей. Мои родители арендовал десять акров плохой каменистой земли и восьми милях от Бидуэлла и занялись разведением кур. Там-то я и провел свое детство и получил первые впечатления о жизни. С самого начала они были удручающими. Поэтому если я, в свой черед, вырос человеком угрюмым, склонным видеть жизнь в мрачном свете, то объясняю это лишь тем, что беззаботная, счастливая пора детства прошла у меня на куриной ферме.

Человек несведущий в куроводстве даже не представляет себе, какие разнообразные и трагические напасти уготованы для цыплят. Цыплёнок вылупляется из яйца, живёт две-три недели в виде маленького пушистого комочка, точь-в-точь как на пасхальных открытках, затем превращается в облезлого уродыша, пожирает уйму зерна и муки, добытых вашими родителями в поте лица, подхватывает хворобы под названием типун, холера и чёрт знает ещё как, после чего, тупо уставившись на солнце, постоит

then a rooster, intended to serve God's mysterious ends struggle through to maturity. The hens lay eggs out of which come other chickens and the dreadful cycle is thus made complete. It is all unbelievably complex. Most philosophers must have been raised on chicken farms. One hopes for so much from a chicken and is so dreadfully disillusioned. Small chickens, just setting out on the journey of life, look so bright and alert and they are in fact so dreadfully stupid. They are so much like people they mix one up in one's judgments of life. If disease does not kill them they wait until your expectations are thoroughly aroused and then walk under the wheels of a wagon – to go squashed and dead back to their maker. Vermin infest their youth, and fortunes must be spent for curative powders. In later life I have seen how a literature has been built up on the subject of fortunes to be made out of the raising of chickens. It is intended to be read by the gods who have just eaten of the tree of the knowledge of good and evil. It is a hopeful literature and declares that much may be done by simple ambitious people who own a few hens. Go hunt for gold on frozen hills of Alaska, put your faith in the honesty of a politician, believe if you will that the world is daily growing better and that good will triumph over evil, but do not read and believe the literature that is written concerning the hens. It was not written for you.

I, however, digress. My tale does not pri-

лица добытых вашим отцом, заражается болезнями, называемыми типунном, холерой и бог знает как еще, стоит, тупо глядя на солнце, хиреет и дохнет. Несколько кур, а иногда и петух, предназначенные служить неисповедимой воле господней, выживают и достигают зрелости. Куры кладут яйца, из них выходят новые цыплята, и этим ужасный круг завершается. Все это невероятно сложно. Большинство философов, видимо, воспитывалось на куриных фермах. От цыпленка так много ожидают и так ужасно в нем разочаровываются. Маленькие цыплята, только начинающие свой жизненный путь, кажутся такими деятельными и проворными, а на самом деле они так безнадежно глупы! Они так похожи на людей, что сбивают вас с толку, когда вы размышляете о жизни. Если они не погибают от болезней, то ждут, пока не возбудят в вас радужные надежды, а затем лезут под колеса телеги, чтобы раздавленными насмерть вернуться к своему создателю. В юности они кишат паразитами, и на лекарственные порошки приходится тратить состояния.

В более позднем возрасте я наблюдал возникновение целой литературы по вопросу о том, как разбогатеть, разводя кур. Она предназначена для богов, только что вкусивших от древа познания добра и зла. Это литература оптимистическая: в ней провозглашается, что простые, но настойчивые люди, владеющие несколькими наседками, могут добиться многого. Не давайте себя

неподвижно и, окончательно захирев, подыхает. Нескольким курам, а случается, и петуху, всё же удаётся кое-как дотянуть до зрелого возраста, дабы исполнить неисповедимый замысел господень, и тогда куры кладут яйца, из которых снова вылупляются цыплята, тем самым завершая сей ужасный цикл. Всё это умопомрачительно сложно. Не сомневаюсь, что большинство философов выросло на куриных фермах. С каждым цыплёнком вы связываете столько надежд, но какое горькое разочарование вас ожидает. В начале странствования по земному пути цыплята кажутся такими смышленными, шустрými, на самом же деле они чудовищно глупы. И до того похожи на людей, что это просто сбивает вас с толку во всех ваших представлениях и расчётах. Если цыплята не погибнут от болезни, то непременно дождутся того часа, когда в душе вашей укрепится надежда, а уж там лезут под колёса фургона, чтобы так, бездыханными, в расплюсненном виде, вернуться к своему создателю. В юном возрасте их одолевают сонмы паразитов, и на снадобья уходит целое состояние. Позднее мне довелось наблюдать, как возникла обширная литература по вопросу о богатстве, нажитом с помощью разведения цыплят. Литература эта предназначена для богов, только что вкусивших от древа познания добра и зла. Это литература оптимистическая, ибо утверждает, что с помощью всего лишь нескольких куриц простые труженики, усердные и целеустремленные, могут многого достигнуть в жизни. Но не попадайтесь на удочку. Литература эта – не для вас. Ищите

marily concern itself with the hen. If correctly told it will centre on the egg. For ten years my father and mother struggled to make our chicken farm pay and then they gave up that struggle and began another. They moved into town of Bidwell, Ohio and embarked in the restaurant business. After ten years of worry with the incubators that did not hatch, and with tiny – and in their own way lovely – balls of fluff that passed on into semi-naked pullethood and from that into dead henhood, we threw all aside and packing our belongings on a wagon drove down Grigg's Road toward Bidwell, a tiny caravan of hope looking for a new place from which to start on our upward journey through life.

завлечь. Отправляйтесь с верой в успех искать золото на обледенелых холмах Аляски, доверьтесь честности политиков, верьте, если хотите, в то, что мир с каждым днем становится лучше и что добро восторжествует над злом, но не читайте и не верьте литературе, посвященной вопросу о курах. Она написана не для вас.

Однако я отклоняюсь. Рассказ мой в основном касается курицы. Если выразиться точно, в центре его будет яйцо. Десять лет отец с матерью боролись за то, чтобы наша птицеводческая ферма приносила доход, а затем они прекратили эту борьбу и начали новую. Они перебрались в город Бидуэл, штат, Огайо, и занялись ресторанным делом. Промаявшись десять лет с инкубаторами, в которых не выводились цыплята, и с малюсенькими, в своем роде прелестными пушистыми шариками, превращавшимися в полуголых молодок и петушков, а затем во взрослых мертвых птиц, мы всё бросили и, сложив наш скарб на подводу, отправились, словно окрыленный надеждами крохотный караван, в Бидуэл, в поисках места, откуда можно было бы снова начать восхождение к высотам жизни.

золото в покрытых льдом горах Аляски, уповайте на честность политиков, верьте, если уж вам так нравится, в то, что мир день ото дня улучшается и что добро восторжествует над злом, но бога ради не верьте литературе о курах и не читайте ее. Это не для вас.

Однако я отвлекся. По сути дела, вовсе не курица занимает главное место в моем рассказе. Если его изложить должным образом, то в центре его пребудет яйцо. Целых десять лет мои родители бились за то, чтобы наша куриная ферма давала доход, но под конец они сдались и начали новую битву. Они переехали в город Бидуэлл, штат Огайо, решив заняться ресторанным бизнесом. После десяти лет возни с инкубаторами, которые то и дело выходили из строя, а также с крохотными, по-своему прелестными пуховыми шариками, которые порой достигали стадии облезлого куриного отрочества, чтобы в дальнейшем превратиться в дохлых кур, – мы все бросили и, погрузив наш скарб на подводу, покатали по проселку Григгса в направлении Бидуэлл – маленький караван надежды, ищущий нового места, с которого можно было бы начать восхождение к жизненным высотам.